

ЛЮДМИЛА ХВОРОСТОВСКАЯ

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

СИБИРСКАЯ САГА

Людмила Хворостовская
Сибирская сага. История семьи

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-94
ББК 4(2Рос=Рус)6-44

Хворостовская Л. П.

Сибирская сага. История семьи / Л. П. Хворостовская —
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104376-6

История семьи Хворостовских – Тетериных – Вебер уникальна и в то же время очень характерна для России. Сколько испытаний выпало на долю героев! Перемена мест – Германия, Поволжье, Сибирь, Киргизия и снова Сибирь; смешение кровей – немецких, русских, татарских, польских; масштабные исторические события – крах Российской империи, революция, Гражданская и две мировых войны... Перед нами – настоящая семейная сага, пестрая и яркая, протяженная во времени и пространстве. В первой части книги собраны рассказы старших родственниц Людмилы Петровны Хворостовской о жизни до и после революции – жизни трудной, бурной, полной страстей. Основная часть повествования – воспоминания Людмилы Петровны. Военное детство, молодость, пришедшаяся на время «оттепели», знакомство с будущим мужем – Александром Хворостовским, замужество и рождение сына Дмитрия, детство и отрочество. Мы видим, какую роль играла музыка в жизни Людмилы и Александра и как это повлияло на формирование жизненного пути Дмитрия Хворостовского. Тему семейной преемственности как нельзя лучше выражают слова Марии Николаевны Вебер-Максимовой, бабушки певца: «Он поет так драматично и трепетно, потому что все наши страдания передались ему по наследству. В жизни ничего не происходит случайно – все предопределено и проигрывается как на пластинке».

УДК 821.161.1-94
ББК 4(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104376-6

© Хворостовская Л. П., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие	6
Память	7
Наши корни	8
Переселенцы	8
Сибирь	10
Лина	12
Брат на брата	16
Осиротевшая семья	18
Отчим	20
Новая жизнь	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Людмила Хворостовская

Сибирская сага. История семьи

Предисловие

От осинки не родятся апельсинки. Всякий человек приходит не из ниоткуда. Корни, истоки есть единственная константа земного пути. Исходная позиция, точка отсчета, золотое зерно, что прорастает всей жизнью человека. В каждом сердце бьются сердца родителей и других, ближних и дальних, членов семьи. Мы все, вольно и невольно, являемся их продолжением. Вот и Дмитрий Хворостовский, гордость России и звезда мировой оперной сцены, неподражаемый артист и великий голос современности, есть плоть от плоти и кровь от крови своей семьи. И книга, которую ты, внимательный и чуткий читатель, держишь сейчас в руках, повествует о том, откуда он, кумир миллионов, явился миру и откуда берет свое земное начало его небесный дар. Автор этого предельно доверительного, откровенного и вместе с тем сдержанно-достойного рассказа – мама Дмитрия, Людмила Петровна Хворостовская. Бессменным и самоотверженным соратником кропотливого создания каждой строчки и всего, что сопряжено с этой книгой, был и остается Александр Степанович Хворостовский, любящий и преданный отец и муж. Они, эти трое – сын и родители, – неделимы. Прочитав эти страницы до конца, убеждаешься в этом и глубоко понимаешь столь многое. Помню, как несколько лет назад, удостоившись чести стать одним из первых читателей рукописи, я прочитала ее буквально на одном дыхании. «Сибирская сага» – отчетливо прозвучало во мне. Людмила Петровна и Александр Степанович сразу одобрили это название. И то сказать – другого и быть не может! Из дальнего далека до современности открывается читателю история семьи, широкая и беспокойная, как Енисей, суровая и прекрасная, как сама Сибирь. Какие испытания, дороги, беды, счастливые случаи, слезы и мечты были прожиты и пройдены такими разными, но такими яркими и сильными людьми, чтобы сойтись и воплотиться в одном человеке со всей его силой и слабостью!.. Воспоминания нескольких поколений отображены в этой книге. «Сибирская сага» – это рассказ о том, откуда он, Дмитрий Хворостовский.

Лилия Виноградова

Память

Сегодня уже трудно с уверенностью сказать, какая именно из многочисленных волн переселенцев принесла семью Вебер из Германии в Поволжье. В памяти живут смутные отголоски рассказов о городской жизни в немецкой земле Гольштейн – или Гессен?.. Об успехах мужской части семейства в ткацком ремесле и скорняжном деле и об утонченном вкусе женщин в вязании и вышивке... И, конечно, все Веберы любили хоровое пение – ведь они были немцы! Это было так давно и так далеко, что воспоминания моей прабабушки, Екатерины Ивановны Вебер, были похожи на сны, на грезы. Долгими зимними вечерами, занимаясь тихими домашними делами, она вела повествование на ломаном русском языке для своей невестки Лины – моей бабушки, вместе с которой ей еще придется хлебнуть немало горя и лишений, а спустя годы благодарными слушателями стали уже внуки – мои тети Клава и Аля, дядя Саша и моя мама. К тому времени прабабушка уже совершенно ослепла и не могла видеть, как подрастают ее внуки, но по голосам и повадкам узнавала их безошибочно.

Множество историй я услышала в детстве от мамы, тети Али, бабушки Лины и ее сестры Степаниды Ивановны. Речь их была складной и плавной, льющейся как поток, и я засыпала под эти рассказы, убаюкивающие, как сказки на ночь или колыбельные песни. Вообще в нашей семье любили вспоминать прошлое. Рассказы были такими яркими и образными, что порой мне казалось, что я все вижу и переживаю сама. Часто, читая художественную литературу, я сопоставляла события из жизни героев и близких мне людей, размышляла о страданиях, выпавших на их долю, и приходила к выводу, что жизнь – не книжная, а настоящая – гораздо драматичнее и беспощаднее. Моя мама однажды на склоне лет произнесла фразу, которая могла бы стать эпиграфом к творчеству ее внука и моего сына:

– Он поет так драматично и трепетно, потому что все наши страдания передались ему по наследству.

Она, конечно, не имела никакого представления о науке генетике, но считала, что в жизни ничего не происходит случайно, что все предопределено и проигрывается, как на пластинке.

Мой муж Александр был потрясен маминими рассказами, историей ее семьи. Последние пять-шесть лет ее жизни они стали очень близки – он уходил к ней «на минутку навестить» и оставался надолго, что-нибудь мастерил, чинил. Иногда они просто беседовали, спорили, но чаще он затаив дыхание слушал ее рассказы, боясь спугнуть воспоминания. Говорила мама очень эмоционально, смеялась, плакала, пела, разве что танцевать не могла. Шура пересказывал мне ее истории, я отвечала, что все это знаю еще с детства. После смерти мамы Шура просил меня вспоминать эпизоды уже из моей жизни, и, надо отдать ему должное, более внимательного и доброжелательного слушателя я не знаю. Это он меня уговорил взять ручку и тетрадку и попытаться записать все, что я помню. Он сказал:

– Когда-нибудь Даня и Саша захотят узнать о своих предках. Может быть, им в руки попадут твои вирши – ведь у нас с ними нет контакта и ты не можешь им ничего рассказать.

Именно это и подвигло меня написать книгу. Самое большое горе для меня – это то, что переполняющая мое сердце любовь неизвестна моим внукам. Они обделены этой любовью, нежностью, восхищением. Бедные, бедные мои! Чем они старше, тем дальше от нас. Уже нет никаких общих дел, интересов. По телефону в ответ на поток ласковых слов слышишь короткое, без эмоций, – «да». На любой вопрос в ответ – «да» или «нет». Друзья пытаются меня утешить: «Ничего, подрастут, все изменится!» Но вряд ли что-то может измениться, ведь добрые слова в наш адрес не произносятся. Хорошо, если вообще ничего не говорят. Жалко их – они не знают любви дедушки и бабушки...

Милые мои внуки, простите меня за то, что вы не знали, как я вас люблю!

Наши корни

Переселенцы

Прабабушка рассказывала много интересных историй, вот только ее маленькие внуки не запомнили, с кем это происходило – с ней самой или с ее родителями.

Жизнь переселенцев всегда тяжела и неустроенна, но постоянные усилия, стремление наладить быт и добиться успеха приносят свои плоды. Вот и немцы, приехавшие в Россию, прижились и даже стали зажиточными, ведь трудолюбия им было не занимать. Семья Ганса и Катерины Вебер поднималась самостоятельно, в тяжких трудах. Дом со всеми рабочими пристройками строили сами, редко прибегая к помощи. Ганс – по-русски Иван Егорович – был человек серьезный и основательный, специалист по скорняжному делу и пошиву сбруи для лошадей. В поселке его ценили. Катю – Екатерину Ивановну, проворную, трудолюбивую молодую женщину, любили за веселый нрав, но побаивались за острый язычок. Скажет – как отрезет. И все-таки друзей у нее было много – стоило лишь взглянуть на ее милое личико, как настроение поднималось, а улыбка появлялась сама собой.

Вскоре у Ивана и Кати родился мальчик. Назвали Адам. Через два года у Адама появилась сестренка Элиза, настоящий ангелочек – темные кудряшки обрамляли белое личико с голубыми глазками. Многие специально старались пройти мимо дома Веберов, чтобы полюбоваться на малышку, подарить ей какую-нибудь игрушку или погладить по головке. А еще через три года родился темноволосый и голубоглазый мальчик Николай. Забот сразу прибавилось. На плечи Адама легла забота о младших. Уже в семь лет мальчику пришлось распрощаться с беззаботным детством.

– Ты уже большой, – говорили родители, – сделай то-то и то-то, присмотри за Элизой, покорми Колю.

Родители понимали: детей надо учить в русской школе. Поэтому малыши сразу начали говорить по-русски и по-немецки, а Иван и Катя познавали русскую грамоту вместе с детьми. Очень хорошо учился Адам. Учеба нравилась ему, и эта любовь осталась с ним на всю жизнь. Когда его собственные дети подросли, он всем дал образование, основал настоящую учительскую династию – почти все дети Адама стали педагогами, вели большую просветительскую работу.

Но счастье и благоденствие новых подданных Российской империи длилось недолго. В один из дождливых, непогожих вечеров в поселок прибыл новый урядник. Лет сорока, плотный, крепкий, небольшого роста, со злыми, светлыми, налитыми кровью глазами и колючим взглядом исподлобья. Предыдущий урядник был его прямой противоположностью – высокий, худой человек с тихим голосом. Он хорошо ладил с жителями поселка. Мужики часто угощали его шнапсом, изготавливать который были большие мастера, привозили в подарок свои изделия – тканые, кожаные – или какие-нибудь мелочи. Все конфликты, неизбежно возникающие между людьми, решались мирно, без драк. С назначением нового урядника все переменялось: характером он был крут и возражений не терпел. Начались безжалостные поборы. Частенько, набравшись шнапса, урядник давал волю рукам – кулаки у него были огромные, железные. А иногда в ход шла нагайка, которую он всегда носил за голенищем сапога.

В один из летних дней урядник объезжал свои владения на коляске, запряженной статным гнедым жеребцом. Довольно мирно переговорил с мужиками, как водится, хорошо выпил шнапса, заедая салом и луком, похвалил знатный напиток и поехал дальше. Мужики облегченно вздохнули, порадовались, что обошлось без скандала, и отправились в поле – пора было начинать сенокос. Женщины тоже присоединились к ним. Дома остались одни подростки.

После обеда вновь послышался знакомый грохот повозки урядника. Проезжая мимо калитки Веберов, он остановился, вышел из коляски, зашел во двор. Там сидели мальчики, занятые мелкими скорняжными работами, которые доверяли им взрослые. Урядник, уже изрядно пьяный, размахивал нагайкой и пинал все, что попадалось ему на пути. Из дома на шум выбежала Элиза. Урядник сначала опешил, увидев это небесное создание, но в следующее мгновение ринулся к ней, спотыкаясь и чуть не падая, широко расставив руки. Изумленная девочка стояла, не шевелясь, широко раскрыв глаза. Урядник схватил ее и потащил в коляску, но Элиза ловко выскользнула из его рук и побежала прочь. Нагайка настигла ее, разорвав платье. Девочка упала, на спине вздулась кровавая полоса. Дети, сперва оцепеневшие от ужаса, вдруг разом кинулись на урядника с кулаками. Мужчина начал отбиваться нагайкой, и тогда на него посыпались удары палками, досками, всем, что попадало под руку. Урядник, поняв, что силы неравны, отступил к своей коляске, а вслед ему летели палки и булыжники. Сев в коляску, он сразу поднял жеребца в галоп. Подростки бежали за коляской и кидали камни.

Никто так и не узнал, чья рука нанесла роковой удар. Лошадь привезла к полицейскому участку истекающего кровью урядника с пробитой головой. Перед смертью он успел сказать только одно слово: «Немцы».

К вечеру, когда взрослые вернулись с сенокоса, в поселок приехали двое полицейских и следователь, которые сказали, что урядник умер от побоев. Вину на себя приняли взрослые – Иван и его друзья, Давид и Краус. На суде их приговорили к каторжным работам на рудниках и погнали в Сибирь этапом, в кандалах.

Так в один день на три семьи обрушилось огромное горе. Все их благополучие разом оказалось перечеркнуто. Семьи остались без кормильцев, а дети были еще слишком малы, чтобы женщины смогли самостоятельно вести хозяйство. Жены Давида и Крауса решили ехать с детьми в Германию, Катя же заявила, что поедет за мужем в Сибирь. У Ганса и Катерины Веберов было уже четверо детей, самой младшей девочке всего два с половиной года.

Судебное разбирательство тянулось долго. За семьями Давида и Крауса приехали родственники из Германии. Они-то и помогли Катерине продать все, чем успела обзавестись семья Вебер: скотину, урожай, земельный участок...

Запрягли повозки, погрузили самое необходимое и двинулись в неизвестность.

Сибирь

Я так и не узнала точно, сколько времени Екатерине Ивановне понадобилось, чтобы добраться до места ссылки Ивана Егоровича Вебера. Кто-то из родственников говорил – год. А моя тетя Аля рассказывала, что бабушка Катя ехала три года, иногда останавливаясь, чтобы заработать денег и купить провизию. По дороге потеряла младшую девочку – та умерла от простуды.

Наконец приехали на юг Енисейской губернии, в казацкое село Каратузское. Казаки были государевы слуги, люди трудолюбивые и веселые, но со строгой дисциплиной и крепкими традициями. Земли вокруг были плодородные, так что жили сельчане зажиточно. Немцев, правда, в свое сообщество не приняли – селитесь, мол, отдельно, подальше от нас, и помощи не ждите. Боюсь даже подумать, как невыносимо трудно было моей милой прабабушке! Вот уж когда пригодился сильный характер, неожиданный при такой хрупкой, нежной внешности. Поселились за рекой у таких же, как и Веберы, приезжих, бедных крестьян. А ведь нужно было еще добиться у начальства разрешения на свидания с мужем. Как Катя сумела все это вынести – одному Богу известно.

Здоровье Ивана Егоровича на золотом руднике, конечно, ухудшилось, даже несмотря на поддержку любящей и стойкой Кати. Но нашлись добрые люди и среди охранников – некоторые из них разрешали насыпать золотиносный песок в пустые бутылки и передавать родным. Разумеется, такая помощь была не лишней. Семья жила, дети даже ходили в школу. Это было непреклонное желание Ивана.

Так шли годы. Дети подрастали. Мальчики стали крепкими красивыми парнями, а Элиза превратилась из Дюймовочки в Прекрасную Элизу.

Однажды, когда Элиза пришла на свидание с отцом, ее увидел начальник охраны – молодой офицер, недавно приехавший из Иркутска. Очаровательная, ни на кого не похожая девушка произвела на него огромное впечатление. Надо сказать, что обычно на свидания ходили Екатерина или Адам, Элиза навещала отца редко. Как-то раз, так и не дождавшись девушки, офицер рискнул обратиться к Екатерине:

– Почему дочка не приходит на свидание с отцом?

– Тефка сильно молотенький, и я не посфолю ей телать шашни с топой! – сурово отрезала Катя на ломаном русском.

А молодой человек совсем потерял голову. Он приезжал в поселок, чтобы хотя бы изда- лека увидеть Элизу. Она тоже влюбилась в симпатичного офицера, но боялась послушаться свою строгую маму.

И все же, несмотря на запрет, свидание состоялось. Когда Адам и Элиза уже уходили с территории рудника после встречи с отцом, начальник охраны подошел к ним, представился и сказал Адаму, что уже давно наблюдает за его сестрой, имеет на ее счет самые серьезные намерения и готов просить ее руки у родителей. Он очень просил Адама передать его слова матери и отцу.

Обсуждение этой новости дома было очень бурным. Екатерина Ивановна ничего не хотела слышать. Она твердила, что офицер поиграет с Элизой и бросит, а как потом жить?

Но время шло, и влюбленные окончательно поняли, что не могут жить друг без друга.

Однажды офицер собрался с духом и пришел к Екатерине Ивановне, когда она была дома одна. Разговор был долгим. Вначале женщина негодовала, затем тон беседы изменился, стал спокойным и деловым. Договорились: вначале Элиза принимает православие – она была католичкой, – потом родители молодого человека приезжают из Иркутска сватать ее. А уж после знакомства с ними Екатерина Ивановна и даст ответ – да или нет. Так и сделали. Но во время знакомства с родителями жениха Элиза вдруг потребовала от него дать клятву в том, что

он добьется освобождения Ивана Егоровича. Девушка считала себя виновной во всех бедах семьи – это и заставило ее выдвинуть столь дерзкое условие. Чувства молодого человека были так сильны, что он в присутствии Екатерины Ивановны, Адама и своих родителей поклялся во что бы то ни стало освободить с каторги отца своей нареченной. Сразу после венчания Элиза с мужем и его родителями уехала в Иркутск.

Через несколько месяцев Иван Егорович вышел на свободу. Говорят, что муж Элизы уговорил управляющего прииском написать царю челобитную об освобождении арестанта Ивана Егоровича Вебера от каторжных работ. Государь челобитную подписал. Это было как сон. Конец всем мукам! Наконец-то Элиза обрела душевный покой.

Вскоре после Ивана Егоровича покинули каторгу Давид и Краус. Однако выезжать за пределы Енисейской губернии всем им было запрещено.

Подходил к концу XIX век.

Лина

И опять нужно было начинать жизнь сначала. Теперь в семье было трое мужиков: Иван Егорович, Адам, Николай, – и железная Катя, Екатерина Ивановна. Вновь отстроили собственное жилье, и не просто избушку, а просторный большой дом с надворными постройками для своего дела. Бережливая Катя мало того что не дала погибнуть с голоду детям, так еще и сохранила «золотишко».

Строиться Веберам разрешили за рекой, вдаль от казаков. Рядом поставили дом для Адама. Он нашел себе невесту, женился, в семье рождались дети.

После освобождения мужа к Кате вернулось ее остроумие, веселый характер и звонкий смех. Она словно помолодела, расцвела. Сумрачного, всегда настороженного Ивана, еще не привыкшего к свободе, ее насмешки и дурашливое настроение раздражали, и тогда он резко обрывал Катю. А временами на Ивана Егоровича находила «блажь», и он требовал, чтобы обед ему подавали в зале за большим столом. На этот случай у Катерины был специальный наряд горничной: черное платье с белым воротничком, накрахмаленный белый фартук с крылышками, белый, тоже накрахмаленный, чепчик. Все это она быстро надевала, ставила тарелки на поднос, торжественно открывала дверь и семенила по ковровой дорожке через весь зал, неся на вытянутых руках обед. Остановившись перед мужем, Катя приседала в низком реверансе:

– Пошалуте, Ифан Екорофич!

Подобные шутки приводили Ивана в неистовство. А ведь когда-то он безумно любил Катю именно за юморной, веселый нрав. Как время меняет характеры! Но Катерина все понимала и прощала своему Ване грубые слова. Она его очень любила.

Постепенно жизнь налаживалась. У Адама было крепкое хозяйство, Николай жил с родителями. Еще в раннем детстве Коля проявил любовь к музыке. Однажды в городе на ярмарке он услышал игру на гармонике и с тех пор мечтал о том, как сам будет играть. Родители не против были купить гармонию, но кто будет учить? Вскоре преподаватель нашелся – им стал учитель местной школы, обладатель дорогого по тем временам баяна. Коле купили маленькую гармонику, и он погрузился в занятия. Учитель говорил, что у мальчика хороший слух и способности к музыке.

Когда с Иваном стряслась беда, всем, конечно же, стало не до музыки. Но гармонику не бросили и не продали, взяли с собой в Сибирь. Коля, уже получивший азы музыкального образования, продолжал играть, подбирая мелодии по слуху. Это стало самым любимым его увлечением на всю жизнь. Когда Коля вырос и превратился в видного, красивого парня, его призвали на службу в царскую армию. Волею судьбы он оказался в начале XX века в Петербурге, где познакомился с настоящими музыкантами, узнал нотную грамоту, научился почти профессионально играть на баяне. Друзья говорили, что у него хороший голос. В Петербурге Николай встретил односельчанина Егора Зуева, служившего в казацком полку. Молодые люди подружились, и это была настоящая мужская дружба, до самого конца жизни. Погибнут они в один день и один час. А пока – столица, молодость, веселье, музыка, застолья!..

Домой, в село Каратузское, друзья вернулись вместе. Егор позвал Колю к себе. Просторный дом, большая семья – три сына и шесть дочерей. Хозяйка, мать Егора Лиустиния Ивановна, невысокая, изящная, жизнерадостная женщина, приветливо встретила друга сына. Познакомила с дочками:

– Смотри, сколько их, и одна краше другой. Выбери себе невесту!

Все смеялись, а Николай уже выбрал. Он глаз не мог оторвать от юной Лины, тоненькой девочки с глазами газели, почти не принимавшей участие в хлопотах и веселье честной компании. Уходя от Зуевых, Коля сказал Егору:

– Как хороша ваша Лина! Сколько ей лет?

Егор ответил:

– Шестнадцать.

С того дня Николай ходил сам не свой. Все валилось из рук, все мысли были только об этой девочке с удивительными глазами. Коля зачастил к Зуевым, чтобы хоть мельком увидеть Лину, а та, робкая и застенчивая девочка, иногда насмешливо поглядывала на парня, которому явно нравилась. На свадьбе сестры Лина услышала, как играет и поет Николай. Она поняла, что играет и поет он только для нее одной, и ее сердечко забилося чаще.

А в дом Веберов опять пришла беда – тяжело заболел и вскоре умер Иван Егорович. Лишения и беды, выпавшие на его долю, не могли не отразиться на здоровье. Смерть мужа стала слишком тяжелой утратой для Екатерины Ивановны. Навсегда перестала она быть веселой насмешницей, да и поводов для шуток у нее больше не было.

И все-таки жизнь брала свое. Николай и Лина ходили, не замечая того, что их влюбленность давно уже очевидна для всех. Однажды Екатерина Ивановна сказала сыну:

– Надо идти и сватать этот Лина. Красифый тефка, сильно молотой, а мне нушен помогать.

Хотя не прошел год после смерти отца, мать и сын пошли к Зуевым сватать Лину. Девушке еще не исполнилось семнадцати. Сговориться сразу не смогли – отца Лины уже не было в живых, и вопрос о замужестве должен был решать сход казаков, которые подошли к вопросу, мягко говоря, сурово. Решено было не допускать брака Лины с немцем, да еще с сыном бывшего каторжанина. Если же она самовольно выйдет за него, то будет лишена всех прав казачки, денежных и других пособий, которые ей полагались по закону.

Это решение только подлило масла в огонь, Лина, девочка с характером, начитавшаяся сентиментальных романов, сказала на семейном совете так: «Я его люблю, а другой мне не нужен. Не надо мне вашего наследства, мы сами заработаем себе на жизнь». Подружки смотрели на Лину с завистью и восторгом – не у каждой был такой жених! В Колю многие были влюблены – хорош собой, очень обходителен и ласков с девушками, баянист, певун, ну просто первый парень на селе.

Сыграли свадьбу. Казаки своего решения не отменили, но Коля и Лина не горевали. Они поселились в большом, просторном, светлом доме Веберов. Для жизни у них было все. Николай свою молодую жену боготворил, свекровь тоже по достоинству оценила смелый поступок Лины и любила ее как родную дочь. Лина с детства отличалась большим пристрастием к чтению,

несмотря на то что ее образование ограничилось двумя классами приходской школы. В мансарде у Веберов разместилась довольно большая библиотека, которая год за годом пополнялась новыми книгами. Это было самое любимое место обитателей дома, там всегда было уютно и интересно. Екатерина Ивановна относилась к пристрастию невестки терпимо. Конечно, женщине нужна была помощница, но она быстро поняла, что заставить строптивую Лину невозможно, а вот лаской можно уговорить на любое дело.

В то время были в моде у мужчин соревнования в силе и ловкости. Обычно в воскресные дни и праздники молодежь собиралась за селом. Играли в разные игры, устраивались и кулачные бои, в которых непременно участвовал Николай – тут он был непревзойденный мастер. Бабушкина сестра – тетя Степанида – рассказывала, что родственникам и друзьям его противников нередко приходилось бегать по селу в поисках Лины, чтобы она прекратила бой. Зрелище было завораживающее. В самый разгар схватки, когда мужики дубасили друг друга кулаками, появлялась невысокая, тоненькая Лина, молча брала Колю за руку и решительно и быстро уводила с поля боя, а он виновато улыбался, глядя на окружающих, и, пожав плечами, послушно, как ягненок, шел за ней. Иначе остановить его было невозможно.

Часто зимними вечерами Коля брал в руки баян. Играл и пел, когда один, а когда и вместе с женой. У Лины был хороший высокий голос. Они любили петь русские народные песни и романсы – в то время все начали увлекаться городскими и цыганскими романсами.

Я помню еще то время, когда бабушка Лина, растапливая печку в доме на Старом Базаре в Красноярске, пела тоненьким голосом «То не ветер ветку клонит». Она и раньше в наших компаниях пела, но вместе со всеми, я и внимания не обращала, а тут одна – да так задушевно, задумчиво... Потом, как будто очнувшись, глянула на меня:

– Что смотришь? Мы ее пели с твоим дедом в молодости.

Так я узнала, что у бабушки Лины хороший слух и голос (в то время ей было шестьдесят четыре года). А про то, что она в молодости была не только красавица, но и певунья, рассказывала дочь Адама, Мавра Адамовна Вебер-Маркова, когда мы с мамой жили у нее в Красноярске.

Брат на брата

В новой семье дети появились не сразу. Только через пять лет, в 1910 году, родится моя тетя Клава, в 1912 – дядя Шура, в 1914 – моя мама, Мария Николаевна. Летом 1917 года родилась Аля, Алечка – так ее звали всю жизнь. Моя прабабушка очень любила своих внуков, детей Коли и Лины. Они жили под одной крышей, она их растила, воспитывала. Дети Адама не жили с бабушкой, и к ним она относилась спокойно, а этих любила всем сердцем и прощала все шалости.

Война 1914 года разлучила Лину с мужем, а Екатерину Ивановну с сыном.

Николая Вебера и Егора Зуева призвали в армию. Они вместе воевали, были ранены, но остались в живых и вернулись домой, зараженные большевистскими идеями, привезя с собой в разобранном виде винтовки. Еще в 1909 году в Петербурге они посещали кружки противников царизма, а теперь организовали большевистскую ячейку в Каратузском. Прабабушка Екатерина негодовала:

– Какой такой партия, зачем польшевик, кто такой?

Лина же, с ее мятежным характером, понимала мужа и брата, поддерживала их. В массе же казаки были против преобразований, оставшись верными государю. Огромная семья распалась на два лагеря. Близкие люди в одночасье стали врагами.

Не стану описывать в подробностях, что происходило тогда в Сибири. Власть переходила от белых к красным и наоборот, а страдали непричастные к этой борьбе люди – старики, дети и просто обыватели, не понимавшие, зачем все это. Часть сестер Лины и их мужей оказалась по одну сторону баррикад, другая часть – по другую. Прабабушка была в ужасе: «Люти пелены объелся!» Сына и невестку она уговаривала «не сфястаться» ни с кем, а сидеть дома с «репятишка». Когда образовался полк белоказачков, большевики организовали партизанский отряд и скрылись в лесу. С отрядом в качестве руководителей ушли Егор и Николай, муж Степаниды Ивановны Алексей, младшая сестра Лины – Капитолина.

Права была Екатерина Ивановна, говоря, что люди белены объелись. Родственники творили друг с другом такое, что не могло присниться в страшном сне. Предавали, убивали – брата, сестру, отца, мать...

Однажды, когда верх одержали белые и Николай не успел уйти в лес, Лина спрятала его в стоге сена на подворье. Прибежала двоюродная племянница и сказала: ее мать, двоюродная сестра Лины, донесла казакам, что «в доме Веберов сейчас Капа Зуева и Николай».

К счастью, Капитолина ушла раньше. Вслед за девочкой ворвались белые с шашками наголо. Кинулись в дом, обыскали двор, а двоюродная сестра Лины подошла к ним и сказала:

– А вы в сене поищите.

Солдаты побежали на подворье, стали протыкать шашками копны сена. Когда подошли к стогу, где был спрятан Николай, Лина вздрогнула и побледнела.

– Поджигайте, он там! – завопила доносчица. На глазах матери и жены солдаты подожгли стог и ушли вместе с ликующей доносчицей. Женщины кинулись разгребать горящее сено, но Николая в стогу не оказалось. Как выяснилось позже, он успел уползти с подворья и скрыться, а потом уйти в отряд.

Через некоторое время красные отбили село. Лина доносчицу не выдала, но наедине сказала:

– Запомни, я твоя должница.

Конечно, моя бабушка ничего не сделала двоюродной сестре, но навсегда вычеркнула из своей жизни ее и всех ее близких.

В 1918 году красные на некоторых участках отдали позиции белой армии и белоказакам. Опять большевики ушли в леса. Опять в дом за речкой пришли белые, опять допрашивали Лину:

– Где муж? Брат? Сестра?

В доме – седая, раньше времени постаревшая Екатерина Ивановна с маленькой Алечкой на руках, еще трое малолетних детей в страхе жмутся друг к другу. Лину трясет за плечи белый офицер:

– Говори, где твой муж?

Лина молчит. Она не плачет, смотрит куда-то мимо офицера сухими остановившимися глазами, лицо белое как мел. Екатерина Ивановна, отдав Алечку Клаве, бросается офицеру в ноги, хватая его за полы шинели, неистово кричит:

– Упей меня, упей, не трокай тефка, у ней четыре репенки, он такой молотой, я старый! Тепе нато упить, упей меня! Не трокай тефка!

Офицер пытается отбиваться, но она с такой страшной силой держит его ноги, что он понимает – старуха отпустит его только мертвая, и нет такой силы, которая могла бы ей помешать. Лина так и стоит в оцепенении, не шевелясь и не говоря ни слова.

Офицер, потрясенный этой сценой, начал уговаривать женщину, обещая, что не станет убивать ее невестку. Но когда бедная Екатерина Ивановна отпустила его, он схватил Лину, выволок во двор, поставил в повозку, на которой приехал, и сунул в руки вожжи. Сам вскочил в повозку, уткнул Лине в спину ствол револьвера и скомандовал:

– Вези в отряд, не то пристрелю!

Лина сама не знала, сколько часов и где возила его, стоя в повозке. Затекали ноги, вожжи впились в ладони, глаза пересохли и ничего не видели. Обрато к дому она подъехала почти без сознания. Офицер выбросил ее на дорогу, как мешок, и уехал. После этого Лина долгое время почти не разговаривала. Она была как мертвая, хотя пила, ела, двигалась. Ей казалось, что любые чувства покинули ее навсегда.

Вскоре, после очередного задания, погибла Капитолина. Ее выследили и убили на опушке леса, когда она возвращалась в отряд.

Партизанское движение набирало силу. Войско Щетинкина объединило разрозненные группы. Отряд каратузских партизан пошел на соединение со Щетинкиным. Под деревней Городок их поджидала засада из белоказаков и банды уголовников, бежавших с рудников и из тюрем. Была настоящая суровая сибирская зима. Отряд остановился на отдых, люди разожгли костры, расслабились, и в этот момент казаки и бандиты напали, застав партизан, уверенных, что находятся в полной безопасности, врасплох. Никто даже не успел схватить оружие, людей расстреливали в упор. После побоища бандиты раздели трупы, собрали вещи, оружие и ушли. Выжить удалось только дяде Алеше – мужу тети Степаниды. Раненый, он потерял сознание, его приняли за мертвого, раздели, разули и бросили. Счастье, что дядя Алеша пришел в себя. Он увидел эту ужасную картину – погибший отряд. Услышал вдалеке лай собак и пошел на звук. Босой, замерзающий, добрал до какого-то хутора. Хозяин его принял, спрятал в бане, накормил, заматал тряпками обмороженные руки и ноги, дал валенки, старенький тулуп, еду и указал дорогу. Дядя Алеша дошел до знакомого поселка и отыскал там родственника, который привез его в Каратузское. Тогда все и узнали о гибели отряда.

Моей маме было тогда четыре года, а бабушке Лине – тридцать. Горе шло за этой семьей по пятам.

Осиротевшая семья

Екатерина Ивановна, потеряв любимого сына, совсем увяла. Казалось, у нее кончились силы для борьбы с жестокими ударами судьбы. Она или бесцельно бродила по дому, безучастная и глухая ко всему, или просто сидела не шевелясь, а по щекам ее непрерывно текли слезы. Она забывала есть, ей хотелось умереть поскорее. Даже внуки, которые все время были рядом и тормозили бабушку, не вызывали у нее никакой реакции. Екатерина Ивановна стала с катастрофической быстротой терять зрение и вскоре ослепла совсем.

Дом был свой, родной, обласканный ее руками до самого малого уголка, поэтому, даже слепая, она уверенно передвигалась по нему. Одна незадача – внуки. Они не понимали, что их любимая бабушка уже не может быть прежней – твердой, деятельной, сильной и веселой. Они и сами баловались, и старались по-своему развлечь ее, но детские шутки бывают очень жестокими. На выдумки была гораздо маленькая Маня – моя мама. Каждый день она придумывала новые штучки, пользуясь слепотой своей милой бабули. Найдя в чулане старые отцовские сапоги, Маня брала их в руки и, гремя каблуками, передвигала по полу. Остальная ребятня наблюдала за бабушкой, которая, прислушиваясь, спрашивала:

– Это кто кóтит?

Маня, едва сдерживая смех, стараясь говорить басом, отвечала:

– Шорт котит!

Бабушка догадывалась, хватала веник или полотенце, что попадалось под руку, и, стараясь по звуку определить, где проказница, грозила ей суровым наказанием:

– Манка, Манка, это ты, я снаю! Я стану, я тепе нокам стопчу, плокой ты тефчонка!

Все прыскали со смеху, а Екатерина Ивановна досадливо качала головой. Лина ругала детей за то, что они позволяют себе смеяться над бабушкой, но они быстро обо всем забывали и придумывали новые шалости. Лина успокаивала свекровь, женщины обнимались, плакали и вспоминали лучшие времена. Иногда Екатерина Ивановна говорила:

– Ну, вот скоро приетут Тавит и Краус, я ему все скашу, он вам накашит.

Приезжали Давид и Краус, два старичка, которые были очень ласковы с моей прабабушкой. Старички садились за стол в зале и долго беседовали, вспоминая свою молодость, жизнь на Волге. Екатерина Ивановна оживлялась – даже щеки розовели, – начинала громко смеяться, шутить. Дети льнули к ней, каждому хотелось залезть бабушке на колени, обнять, прижаться.

В такие минуты Лину одолевали противоречивые чувства. С одной стороны, радостные воспоминания, с другой – грубая, жестокая явь. Она все сильнее чувствовала свое одиночество среди толпы людей – а ведь родственники всегда хорошо к ней относились, в особенности дети Адама Вебера, которые были ненамного младше ее.

Вскоре к Екатерине Ивановне и Лине переехала жить Мавра Адамовна – в доме как раз была свободная комната. Мавра Адамовна преподавала в школе русский язык и литературу в старших классах и занимала какой-то высокий пост в отделе образования. Екатерина Ивановна ужасно этим гордилась. Часто, встречаясь с соседками, она как бы между прочим роняла фразу:

– Та, конечно, наш Мафра самый клавный!

Конечно, Мавра Адамовна негодовала, просила бабушку не говорить так больше, но разве можно было ее переубедить!

Мавра Адамовна была крестной матерью моей мамы и очень ее любила, опекала, заботилась о ней на протяжении всей жизни. И мама тоже любила ее как родную мать.

А тогда, в свои семь-восемь лет, Манка, как звала ее бабушка, была необыкновенно подвижной, шустрой, юморной девочкой. На нее невозможно было долго сердиться. Этот взрывной характер выделял Маню среди других детей Николая и Лины. Старшая дочка, Клава, отличалась степенностью и рассудительностью, Шурик был по-мужски сдержан, хотя иногда

сбрасывал с себя личину взрослого и вместе с остальными пускался в шалости. Алечка всегда была нежной, балованной девочкой.

Однажды выдумщица Маня придумала совсем не детскую шутку. Поздно вечером, когда Мавра закрылась в своей комнате, возле двери появились все те же два сапога. Екатерина Ивановна, проходя мимо по коридору, наткнулась на них, наклонилась, ощупала и в ужасе определила, что это мужские сапоги. Забыв, зачем шла, она повернула назад, шепча себе под нос:

– А я-то тумал, што он короший тефка, а он расфратник, мушик ночует, ох, ох, ох...

Весь следующий день Екатерина Ивановна боролась с собой, но вечером все-таки подкараулила Мавру Адамовну на крыльце и высказала все, что о ней думала. У Мавры был жених, Иосиф Марков, который жил, кажется, в Красноярске или в Томске – теперь уже не вспомню точно, – и, конечно, распутное поведение внучки (мнимое!) бабушку совсем не устраивало. Бедная девушка никак не могла понять, в чем ее обвиняют. Спасла положение Лина, которая сама наткнулась на эти злосчастные сапоги и закинула их в чулан. Ситуация прояснилась, Манка получила за свою выходку хороший нагоняй и на некоторое время утомилась.

Я уже говорила, что у Веберов была приличная библиотека, которая располагалась в мансарде. Там проходила печная труба, поэтому даже зимой в помещении было относительно тепло и уютно. В мансарде стояло неизвестно откуда притащенное старое, ветхое кресло, его накрыли старым одеялом, получилось очень мило. Туда обычно приходили посидеть в тишине те, кто был расстроен, там переживали обиду наказанные дети. Для моей мамы это было самое любимое место в доме, о нем она вспоминала почти до самой смерти. Там она прочитала всего Бальзака, часто не понимая по малолетству, о чем идет речь. Зачитывалась Пушкиным. Много стихов она знала наизусть, любила Лермонтова, Некрасова, Кольцова, а басни Крылова цитировала постоянно. Когда-то и Лина просиживала здесь часами, замороженная строками Державина и Пушкина. Библиотека Веберов научила мою бабушку и маму любить литературу. Эту любовь они пронесли через всю жизнь.

Позднее мама много читала уже советской литературы, коллекционировала экстравагантные народные изречения, поговорки, пословицы, частушки. Это был кладезь «всякой всячины», как она любила говорить. В то же время, если нужно было вести беседу «в обществе», она характерно «делала губки», принимая выражение светской дамы, и вела себя так, будто каждый день только тем и занимается, что принимает у себя элиту. Юмор и слезы всегда были у нее где-то рядом. В молодости это был огонь, пламя – все, кто с ней общался, или откровенно восхищались ее искрометностью, или завидовали. В старости слезы уже побеждали чаще, чем юмор. Дима ей говорил:

– Ну что ты, баба, начала так весело, а закончила слезами?

А она отвечала:

– Что поделаешь, если жизнь такая горькая.

Молодежи не нравится наше негативное отношение к жизни. То ли дело люди на Западе – сплошные праздники, радость, смех, отсутствие проблем, бесконечный позитив. Что поделаться, такие уж мы, русские. Вечно недовольны собой и своей жизнью, особенно старики – все брюзжим, брюзжим... Негатив!

Отчим

Прошло четыре года после гибели моего деда Николая Ивановича Вебера. Жизнь в семье, селе и стране была смутная, трудная, хватало и всяких глупостей со стороны власть имущих. Бедная Лина билась как рыба об лед, чтобы выжить, сохранить детей. Сколько бы ни помогли родные братья и сестры, но основные жизненные тяготы были на ее хрупких плечах.

Слепая моя прабабушка однажды выдала:

– Ну што, Лина, тавай все протатим, теньки за пасуха и пошел!

Правда, куда и зачем им нужно «пошел» с деньгами, она не сказала. Но отчаявшаяся Лина согласилась. За мешок «керенок» женщины продали дом и собрались уезжать – не то в Минусинск, не то в Абакан. А через день «керенки» отменили, и они остались без денег и без дома. Благо в управлении работали нормальные серьезные люди, которые не дали семье погибшего партизана оказаться на улице. Подробности этой истории до меня не дошли, знаю лишь, что два или три месяца Екатерина Ивановна и Лина с детьми жили у родственников, а потом дом им вернули. Представьте, какой стресс – в который раз! – испытали несчастные женщины!

Тогда бабушка стала поговаривать, что Лине надо найти «хороший мушук и пойти самуш». Сами они не справлялись с хозяйством. На дворе была эпоха НЭПа – полная свобода и неразбериха. На фоне этого экономического разгула в селе появился франт в костюме-тройке, с часами в петлице, с тростью, в шляпе. Но самым примечательным в нем были усы – пышные, с лихо закрученными вверх кончиками. Он ежедневно прогуливался мимо наших окон, заглядывал во двор, иногда останавливался, как бы поджидая кого-то. Дети это приметили. Вначале они следили за ним, прячась, а потом уже стали выходить за калитку и смотреть откровенно, в упор.

Однажды он как бы ненароком поймал спешащую домой Лину. Как всякий опытный ухажер, ласково заговорил с ней, пригласил вечером погулять, может быть, сходить в клуб или просто посетить друзей, у которых он остановился. Лина категорически отказалась – у нее была масса дел, не до того. Франт не настаивал, но во все последующие дни попадался Лине навстречу, заговаривал с ней, приносил цветы, небольшие безделушки. Правда, приглашения войти в дом так и не получил. В конце концов Лина рассказала свекрови о напасти. Та задумалась, а на следующее утро подошла к невестке, обняла и тихо и как-то покорно сказала:

– Я всю ночь тумал и скашу: мошет, этот мушук и полюпил тепя? Отетый хорошо, теньки есть. Может, пошивешь ишо.

Лина пошла к матери в село посоветоваться. Решили так: надо познакомиться с ухажером, разузнать, кто такой, откуда, зачем приехал. «Разведка» работала неделю и доложила: бывший господский портной из Петербурга, попал в какие-то неприятности, срочно уехал подальше от центра к знакомому в село Идринское, услышал, что есть в Каратузском вдова с четырьмя детьми и слепой свекровью. Богатый дом, хозяйство, скот, лошади, разная птица – завидная невеста! Да и собой хороша. Приехал, поселился на квартире и начал атаку на Лину. Он был, видимо, хороший психолог – понял характер Лины и начал почти волшебное действие, чтобы околдовать ее. Он был терпелив и обходителен, он осторожно заигрывал с изголодавшейся по любви женщиной, одаривал ее, обволакивал вниманием. И это сработало. Через месяц Лина была покорена. Она влюбилась как девчонка, безумно и страстно. Ее мама, Лиустиния Ивановна, пугалась, глядя на дочь, – никогда та не выглядела такой необыкновенной. Прекрасные, всегда чуть ленивые с поволокой глаза горели страстным огнем, при одном имени своего кавалера Лина вспыхивала, как девочка. Еще через пару недель она сказала ему: «Да, да, да, я согласна быть твоей женой!»

Объявили о помолвке родным со стороны Зуевых и Веберов. Отнесли к новости по-разному. Екатерина Ивановна плакала. С одной стороны, она сама толкнула Лину на этот шаг, с другой – прекрасно понимала, что теперь будет плохо и ей, и детям, они станут большой помехой в новой жизни Лины. Откровенно говоря, будущий муж невестки ей не нравился, хоть она его и не видела. Не нравилось, как он ходит, дышит, как обращается с детьми, как высокомерно и отрывисто говорит с ними, даже с маленькой Алечкой. Но что поделать?! Старая женщина чувствовала, что Лина безумно влюблена, и ревновала, обижаясь за сына. Поразмыслив, она попросила Мавру написать письмо Элизе в Иркутск – пусть заберет мать к себе. Не сможет она жить под одной крышей с абсолютно чужим человеком.

Сыграли свадьбу. Первое время видимые рамки приличия еще соблюдались, а через месяц-другой начались перемены. Для начала отчим категорически потребовал, чтобы «эти дармоеды», то есть бабушка и дети, за стол садились отдельно – видите ли, своим невежеством они портят ему аппетит. Затем заявил, чтобы мясные продукты, хранящиеся в кладовых, без его разрешения никто не брал: для «бездельников» достаточно хлеба и картошки. За слушание полагались розги. Еще через какое-то время потребовал выселить детей на отдельную площадь, разгородив дом перегородкой. Продукты он будет выдавать сам, а они за это должны выполнять все работы во дворе, в поле и огороде, ухаживать за скотиной. Поразительно, но Лина спокойно проглотила все эти ультиматумы и выполнила их беспрекословно, не возражая. Происходило невероятное – мать безжалостно отторгала своих детей, даже не пытаясь их как-то защитить.

Вскоре приехала Элиза. От прежней красоты ее не осталось и следа, это была измотанная, побитая жизнью женщина, седая и морщинистая. Она забрала прабабушку, которая, рыдая, никак не могла отпустить от себя детей. Отчим проводить не вышел. Лина тихо плакала, обнимая и целуя на прощание свою многострадальную свекровь. Женщины прощались навсегда. Элиза с прабабушкой уехали, и больше о них никто ничего не слышал.

Начались новые испытания, теперь уже для детей Николая Вебера.

* * *

Старшая, Клава, училась в школе очень хорошо. Ее выделяли учителя, и веберовская родня решила во что бы то ни стало обеспечить ей получение высшего образования в Томске. Когда Клава окончила школу, ее отвезли в Томск и устроили в педагогический институт. А вот Шуру никто и не думал отпускать из дома учиться, ведь это была бесплатная рабочая сила, которую можно было эксплуатировать бесконечно, не давая никаких скидок на усталость, болезни и другие человеческие слабости. Это был раб, в полном смысле этого слова, над которым можно было всласть поиздеваться, удовлетворяя свои садистские пристрастия. Моя мама не могла говорить об этом времени без слез. По ее словам, воспоминания Максима Горького о жизни в доме деда Каширина – это цветочки по сравнению с жизнью Шуры в собственном доме с извергом-отчимом. В обязанности подростка входили все мужские работы в доме – уход за лошадьми, коровами, овцами, работа в поле, сенокос и другие дела, тяжелые даже для взрослого мужчины. При этом нельзя было попадаться на глаза отчиму – Шура его страшно раздражал.

Однажды, в очередном порыве гнева, отчим схватил оглоблю и хотел ударить Шуру. Тот молча увернулся, стал бегать по двору, уклоняясь от ударов. Отчим совершенно озверел и с ревом кинулся на Шуру, загнав его в угол. Маня, видя такую картину, страшно запричитала, а Шура выскользнул и побежал прятаться. На шум и крики через высокий забор, отделявший соседний дом, во двор заглянул сын Адама Иван, успев увидеть фрагмент этой безобразной сцены. До него и раньше доходили слухи о чем-то подобном, но он не придавал им особого

значения, считая, что в семье бывает всякое. Когда же Иван увидел, что происходит, он просто пришел в неистовство.

– Если еще хоть раз я увижу или услышу что-то подобное, – закричал он что есть мочи, – я тебя пристрелю, как собаку! Я не дам тебе издеваться над детьми!

Отчим по природе был страшный трус. Он думал, что за высоким забором его «подвиги» не увидит никто, а дети так запуганы, что никому не скажут. Случившееся явилось для него шоком. Несколько дней он не появлялся во дворе. Шура, однако, успел получить несколько ударов оглоблей и ходил прихрамывая, весь в синяках. Но работать надо было все равно – мать велела. Лина была недовольна вмешательством Ивана Адамовича.

Прошло время. Отчим, притихший и осторожный, начал атаку на мою маму. Но сделать это было трудно – Маня, шустрая и сообразительная, научилась определять желания деспота заранее и не давала возможности срывать на ней зло. Надо сказать, что, в отличие от Шуры, Маню отчим не бил и не издевался над ней. Но однажды так заорал на нее за то, что она не принесла вовремя какую-то вещь, что Маня в испуге бросилась бежать, поскользнулась и проехала по мокрому двору, разбив себе нос. Это страшно рассмешило отчима. «Вот так надо спешить исполнять мои желания!» – назидательно сказал он детям. В будущем это происшествие сыграет определенную роль в жизни моей мамы.

И все-таки отчим не оставил Шуру в покое. Однажды, когда Шура был в поле, отчим приехал проверить работу, обошел только что вспаханный участок и нашел, что дело сделано плохо. Вначале он просто отчитывал пасынка на повышенных тонах, но постепенно стал распалаться все больше и больше. Шура начал возражать, и отчим, окончательно взбеленившись, замахнулся на него бичом, который держал в руках. Однако он не учел того, что перед ним стоял уже не слабый подросток, а крепкий и сильный парень, чаша терпения которого переполнилась. Шура вырвал бич из рук отчима и начал его стегать, затем бросил бич, схватил топор из коляски и побежал за своим мучителем с криком: «Убью!»

Отчим успел вскочить в коляску, на которой приехал, хлестнул коня и был таков. Приехав домой, он, конечно, никому ничего не сказал. Вечером Шура не вернулся. Лина исчезновения сына не заметила – ведь дети жили и питались отдельно, – а Маня помогала своей тете Степаниде (у той был маленький ребенок).

Хватились Шуры через два дня. Иван Адамович, вспомнив сцену во дворе, пришел к отчиму, схватил его за грудки:

– Рассказывай, изверг, что сделал с парнем?

Отчим, приукрасив рассказ по-своему, прояснил ситуацию.

Шуру искали целый день. Наконец нашли в стоге сена на соседском поле.

* * *

Моей маме исполнилось двенадцать лет. Весной, когда заканчивались занятия в школе, в гости к отчиму неожиданно приехала сестра. Бурная стихия НЭПа занесла ее в Абакан (до этого она жила в Москве). Как потом рассказывала мне тетя Аля, в Абакане сестра отчима развила бурную деятельность, приобрела два или три магазина. У нее была семья – муж и двое маленьких детей. Женщина наняла домработницу, но та оказалась непорядочной и быстро исчезла в неизвестном направлении, прихватив часть драгоценностей. Сестра пожаловалась отчиму, что ей очень трудно, что она не привыкла так жить, приходится самой делать все по дому, а приходящая нянька не устраивает. Отчим выслушал ее сетования и сказал:

– Я тебе помогу! У меня есть падчерица. Ей двенадцать лет, но она девчонка крепкая, по хозяйству все умеет делать. Она тебе и стряпуха, и нянька будет за какое-нибудь платьишко.

На том и сговорились, правда, согласия Мани никто не спрашивал. Через неделю, когда сестра отчима нагостилась, Мане собрали небольшой узелок с вещами, погрузили ее, рыдающую от горя, на подводу и увезли в Абакан в домработницы.

Сейчас трудно даже поверить, что входило в обязанности двенадцатилетней девочки. Каждое утро Маня согревала двухведерный самовар, чтобы была теплая вода для господ. Готовила завтрак. Потом поднимала и переодевала детей – четырехлетнего мальчика и полторагодовалую девочку. Кормила их, играла с ними, гуляла, а во время их дневного сна опять готовила, так как в три часа господа приходили обедать и надо было накормить их и детей. После обеда снова занималась детьми, затем готовила ужин. В те дни, когда господа соизволяли сами посидеть вечером с малышами, Маню ждала стирка, и если простыни оказывались не идеально белыми, приходилось перестирывать их и отбеливать. Маня, выдавшая виды в жизни с отчимом, через неделю пребывания в этой семье превратилась в изможденное, едва передвигающее ноги существо. Работы было так много, что девочка не успевала справиться со всеми обязанностями за день и вечно была вынуждена что-то доделывать ночью, когда все уже спали. Так прошло лето. Родители, видимо, решили, что дальше Мане учиться не обязательно, и осенью за ней никто не приехал.

Однажды утром Мане не хватило горячей воды. Господа уже ушли, девочка наполнила неподъемный самовар, разожгла его, а сама села кормить детей. Самовар вскипел. Маня отправила малышей в детскую, дав им игрушки, и вернулась на кухню – пора было готовить обед. Когда она налила в тазик горячую воду для мытья посуды, прибежал старший мальчик. В одно мгновение он оказался около тазика с кипятком. Маня кинулась к нему, но поздно – кипяток выплеснулся ей на руки и на ножку мальчика. Боль была адская, на руках моментально вздулись огромные волдыри. Но Маня в этот момент не обращала внимания на свои руки – она испугалась за мальчика, который громко кричал и плакал. Что делать? Дети были одни в доме, помощи ждать неоткуда. По какому-то наитию Маня опустила свои руки и ножку малыша в холодную воду. Стало легче.

И тут, как по вызову, появилась хозяйка. Маня и так была в ужасе от случившегося, она страдала от боли, а тут еще и хозяйка, увидев ошпаренную ножку сына, страшно наорала на бедную девочку. Малыша увезли в больницу, забыв про Маню. По счастью, ожог оказался небольшим, и скоро мальчик выздоровел. А вот у Мани дела обстояли гораздо хуже – руки болели и не заживали, мочить их было невозможно – кожа трескалась...

Девочке повезло – в Абакан приехал по делам муж тети Степаниды Алексей Степанович Иванов, тот, что спасся при расстреле партизан, и зашел проведать племянницу. Увидев такую картину, он сразу сказал хозяевам, что забирает девочку. Те легко согласились – зачем им большая домработница? Сунули Мане в руки узелок с ее вещичками да выпихнули за дверь. И не только платишка нового не дали, но даже кренделька на дорогу пожалели.

Всю обратную дорогу Алексей Степанович был погружен в свои мысли – вздыхал, кричал, качал головой, иногда плакал, смахивая слезы. Приехав в Каратузское, сдал Маню с рук на руки тете Степе, сказав:

– Пока не вылечишь, не отпускай девчонку от себя.

Лина долго не знала о том, что ее дочка с «заработков» вернулась с ошпаренными руками. А когда узнала, как-то безразлично сказала:

– Что ж, не будет носиться как оглашенная.

Моя мама всю жизнь задавала себе вопрос: «Что мы ей такое сделали, почему она нас не любила? Я всегда желала ее любви. Все делала, чтобы ей понравиться, но – не получалось...»

Новая жизнь

Дети растут быстро. Вот и юным Веберам стала мала вся одежда, а обуви у них не было вообще. Хуже всего то, что никому до них не было дела – время тяжелое, все страдали, все едва-едва сводили концы с концами. О чем тут говорить, если родной матери были безразличны ее дети? Самостоятельность не приносила им облегчения – они еще попросту не умели устроить свою жизнь. Тетя Степа научила Маню готовить, как только детей отделили от семьи, но ведь нужно было одеться, обуться, зимой ходить в школу. Нужны были деньги, а взять их было неоткуда. Маленькую Алечку привечала тетя Степанида, девочка почти все время находилась у нее. Шура и Маня оказались главной рабочей силой в семье – два несчастных ребенка, которых безжалостно эксплуатировали, взамен не давая ничего, даже еды, не говоря об одежде. А Мавра Адамовна далеко, в Красноярске. Маня окончила седьмой класс, ей исполнилось пятнадцать лет, ее приняли в комсомол и сразу же дали поручение – вести общественную работу. Значит, нужно все время быть на виду, на людях. Но в чем?!

В это время в стране началась коллективизация. Когда отчим отделял детей, то отдал им корову, лошадь, две или три свиньи и сколько-то куриц. Правда, они содержались вместе со всеми остальными животными, но считались собственностью Клавы, Шуры, Мани и Алечки. И вот, собравшись вчетвером – Клава приехала на каникулы, – посоветовались и решили вступить в колхоз. Отвели буренку, коня, свинью и десять кур в общий загон и получили две пары сапог, платье в белый горошек, два полушубка и туфли для Клавы. Радости не было границ – впервые за последние годы бедные подростки получили новые вещи. Клаве было уже девятнадцать, и теперь они с Маней по очереди могли ходить на танцы, на вечер в клуб – у них были одни туфли и одно платье на двоих. Боже мой, какое счастье!

Когда Маня заканчивала восьмой класс, в Каратузское приехала в отпуск Мавра Адамовна и уговорила ее поступать в Шушенский сельскохозяйственный техникум – недалеко от Каратузского. Маня поехала, поступила, отучилась на первом курсе, сдала экзамены, приехала домой на каникулы. А там... Шура сломал руку, ходит в гипсе, пальцы распухли, мучается от боли, беспомощный...

– Как плохо, что ты сломал руку, – сказала Маня. – Это все из-за меня! Если бы я была с тобой, этого бы не случилось. Я решила: в техникум не вернусь, останусь с вами! Без меня вы пропадете!

С тех пор она считала себя ответственной за судьбу Шуры и Алечки и больше не расставалась с ними, пока Шура не женился, а Алечка не вышла замуж.

В семье Лины рождались дети: Володя, Валя, Петя. Надо было помогать. Клава – когда приезжала домой на лето, Маня, а потом и Алечка по очереди сидели с малышами.

Рассказы моей мамы, тети Али и тети Степы переполняли меня удивлением и восхищением. Как только мама успевала все делать? Работать по дому, учиться, да еще умудряться читать так много, окончить портновские курсы и курсы по вышивке гладью и ризелье... Все это в последующие годы жизни окажет ей неоценимую службу и поможет выжить в лихую годину.

* * *

Клава училась в институте в Томске. Очень серьезная и деловая девушка, она была комсоргом, организатором, агитатором. Приезжая на каникулы домой, не прекращала общественную деятельность, была занята с утра до позднего вечера. У нее была интересная жизнь, она дружила со многими ребятами и девочками. Сестры, глядя на нее, немного завидовали: Клава такая важная, все начальство ее знает, с ней уважительно разговаривают взрослые – как же,

учится в институте! Одним из ее близких друзей по комсомольской ячейке был Петя Тетерин, очень симпатичный, веселый парень. Его любили все. Стоило ему появиться в компании, как его тут же окружали друзья. Всегда находилась тема для разговора. Казалось, он знает все и обо всем. Девчатам Петя нравился, они старались быть к нему поближе – уж очень интересный парень.

Регулярно на доске объявлений появлялась информация о проведении в клубе очередной беседы или лекции. Если вести ее должен был Петя, зал всегда бывал полон. Говорил Петя эмоционально, гладко, как будто читал с выражением. Приходили послушать паренька и старые люди, бывшие партизаны и казаки, – больно складно речи ведет. После лекции молодежь оставалась пообщаться, ребята и девушки пели, шутили, смеялись. Рядом с Петей всегда была Клава. Их объединяла работа, порученная комсомолом, – борьба с безграмотностью среди населения.

Клава собирала ребяткишек, которые еще не ходили в школу, занималась с ними, стараясь увлечь грамотой. Бывало, не все ей удавалось, она обижалась, досадовала, даже плакала. На помощь приходил Петя, увлекал детей какой-нибудь игрой или делом. У него все получалось легко и весело, и Клава была ему благодарна. Часто им помогали родственники Клавы – Иван Вебер и его жена Мария, учителя. Все понимали, что дети – это будущее и нельзя оставлять их без внимания. Организовали кружки, в которых дети с удовольствием занимались, несмотря на большую загруженность дома и на полевых работах. Петю стали посылать в отдаленные села для борьбы с безграмотностью – самому проводить занятия и привлекать других грамотных людей к этой работе. Чтобы увлечь слушателей, парень пересказывал содержание произведений Толстого, Чехова, Тургенева, Горького. Многие крестьяне загорались желанием постичь

грамоту, которая открывала путь к знаниям. Другим, наоборот, это не нравилось, они просто негодовали. Однажды даже пытались убить активистов, подпилив ворота на выходе из школы. Ворота рухнули, но, к счастью, никто не пострадал. После этого события Пете выдали маленький пистолет «браунинг», с которым он не расставался.

После третьего курса института Клава, как всегда, приехала на каникулы. Ей тогда было двадцать лет. Однажды Петя с улыбкой сказал ей:

– Что же ты меня не позовешь в гости?

Клава тут же ответила:

– Пойдем.

Дома их встретила Алечка, которой уже исполнилось тринадцать. Пете она очень понравилась – застенчивая, нежная девочка с огромными лучистыми глазами. Аля тогда была еще неловким подростком, «гадким утенком». Красавицей она станет позже.

Алечка ушла на кухню, чтобы согреть самовар и напоить гостя чаем. Через несколько минут в дом не вошла – влетела, как всегда, Маня и замерла, увидев незнакомца. Петя повернулся, прищурился (он был близорук), взгляделся и застыл на месте. Перед ним стояла красавица – крепкая, статная, белолицая, с большими серо-голубыми глазами. От нее шел поток какой-то неукротимой силы и обаяния. У Клавы дрогнуло сердце, а в голове пронеслось: «Ну, Марусяка, отобьет парня!»

Маня хлопотала, на столе появилась приготовленная ею еда, варенье. Она заварила чай, разлила по чашкам, все это время весело болтая. Гость не сводил с нее глаз, плохо понимая, о чем она говорит. Она буквально околдовала его. «Впервые я вижу Петю молчащим», – с тоской подумала Клава.

Наконец вечер закончился, Клава пошла проводить Петю до калитки.

– Какая девушка!!! – с восторгом сказал он. – Я и не знал, что у тебя такая замечательная сестра.

«Замечательная» – у него это было любимое слово, выражающее восхищение. Он влюбился с первого взгляда!

Так впервые встретились и познакомились мои родители, Петр Евстафьевич Тетерин и Мария Николаевна Вебер. Мужем и женой они стали 28 февраля 1932 года.

* * *

Бабушка Лина рассказывала, как маму сватали: «Твой дед Евстафий Лукич и бабушка Екатерина Ивановна Тетерины пришли к нам сватать твою мать. У нас в кроватке лежала совсем маленькая грудная Лида. Екатерина Ивановна увидела ее, радостно всплеснула руками и воскликнула: «Как хорошо! У них тоже малышка, как и у нас Лилечка! А то из-за этого я очень стеснялась идти сватать сына. Это замечательно!»

Бабушке Лине тогда было сорок три года, а бабушке Кате тридцать семь. Встреча прошла легко и радостно. Екатерина Ивановна была веселая, приветливая и доброжелательная женщина. Мама говорила, что никогда не видела ее сердитой. Она так трогательно уговаривала Лину Ивановну не волноваться за дочку, обещала приложить все силы, чтобы Машенька приняла ее дом как родной и не очень тосковала по близким! Она ведь даже представить не могла, что Маня в своем родном доме была изгоем.

Свадьбу сыграли очень скромную, как было принято у молодежи в те времена, – без венчания в церкви, без пышного белого платья и фаты. Просто праздничный семейный вечер.

Первые годы замужества мама вспоминала как райскую жизнь, время любви, счастья, радости. В семье Тетериных к Мане отнеслись с уважением и любовью. Молодым отдали комнату, потеснив остальных детей. Их было трое: Анастасия, Леня и маленькая Лилечка. Мама не переставала удивляться царившей в семье атмосфере любви и нежности. Екатерина Ивановна не позволяла невестке вставать утром раньше нее, сама готовила завтрак и весело звала домочадцев к столу, когда все было готово. Завтракать всей семьей было ритуалом.

Екатерина Ивановна была полькой и своего любимого старшего сына звала на польский манер – Петка. Сказать, что она его любила, – это слишком мало. Она его боготворила, беспокоилась о его здоровье, а он ей платил беззаветной сыновней любовью. В этой семье не стеснялись своих чувств, как в семье у Лины. Екатерина Ивановна не могла спокойно пройти мимо своих деток, чтобы не поцеловать, не погладить, не сказать ласкового слова. И к Машеньке она относилась так же. Для моей мамы это было так странно и непривычно! Но к хорошему привыкают быстро, да и сама Маня в душе была нежным, добрым и благодарным человеком. Она легко вписалась в атмосферу этой семьи, начала называть свекровь мамой и по утрам приветствовать поцелуем.

В это время Маня работала воспитательницей в детском саду. Там же были и ясли для самых маленьких, и, уходя на работу, Маня брала с собой Лилечку, освобождая свекровь от нагрузки. Екатерина Ивановна была очень довольна тем, что у невестки такое доброе и любящее сердце. А Маруся никак не могла привыкнуть к благодарности за каждый, как ей казалось, пустяк. Такая жизнь в глазах Мани, совсем не избалованной вниманием близких людей, походила на сказочный сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.